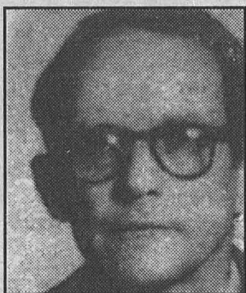

ЗАБЫТЫЙ ДРУГ?

Андрей
ТУРКОВ

Такой уж октябрь: что ни неделя — то годовщина. Седьмого исполнилось бы 80 лет Маргарите Алигер, четырнадцатого — в далеком Бостоне, как говорится, стукнуло семьдесят Науму Коржавину, Эмке Манделю нашей юности, а нынче глянул на календарь — двадцать второе, но только уже не поздравить мне с таким же юбилеем Евгения Винокурова.

Разные люди, разные судьбы, и все — часть нашей общей жизни, истории, как бы иные лихие перья ни объявляли недавние десятилетия сплошным мраком и мороком, а живших тогда — серой массой “совков” (“Мерзостнейшее слово, — повторю за белорусским писателем Виктором Козько, — будь проклят тот, кто его придумал”).

“Голова на подушке темна, голова на подушке седа. Верил первых полсрока, вторые промаялся люто... Очень страшно и медленно в нас умирают утопии”, — в этих строках Луи Арагона, переведенных Алигер, отразилась и ее собственная биография. Дебютировавшая в поэзии в самом начале 30-х годов, она была полна искреннего энтузиазма и веры в революцию. Однако в первых же ее книгах критики отметили заметный контраст со многими тогдашними стихами, изобиловавшими “только радужными красками, когда все вокруг рисуется безмятежным и безоблачным”.

В годы войны драматические ноты зазвучали в ее поэзии с еще большей силой (“С пулей в сердце я живу на свете...”). В 50-х годах она горячо отстаивала право на собственное видение жизни, протестуя против навязываемых литературе и обществу догм (“Разговор на дороге”), и была одним из инициаторов издания сборников “Литературная Москва”, вызвавших разностороннюю критику (на Алигер же резко и грубо ополчился “сам” Хрущев). Для стихов поэтессы последних десятилетий характерны трагические и вместе с тем мужественные ноты расставания с прежними представлениями: “Я больше не хочу врата за тот немислимый хребет, где смолodu казалось свято все то, к чему врата нет... Навсегда оттремел наш проигранный бой... Где ты, мой разбитый полк?... Ах, как много мы хотели! Ах, как мало мы смогли!”

Если странно перечитывать статью об Алигер в Краткой Литературной энциклопедии, где ее жизнь выглядит как тишь да гладь да божья благодать, то биография Наума Коржавина там изложена просто умиротворительно: “Окончил горный техникум в Караганде, в 1959-м — Литературный институт имени М.Горького”. К чему такие мелкие подробности, что в институт-то он поступил еще в 1945-м и “сменил” его на карагандинский техникум после ареста и высылки! Виною тому были его “антисоветские” стихи о “павальном страхе тридцать седьмого года”, о “сытенком” бюрократе, который “спрятался за знаменем красным”, о декабристах, которые вызывали у автора зависть:

Можем строчки нанизывать
Посложнее, попроще,
Но никто нас не вызовет
На Сенатскую площадь.

В стихах “оттепельных” лет поэт по-прежнему мучительно и страстно доискивался правды об истории, революции, нашем времени. “Мне пришлось от себя отдрать омертвевшую ткань”, — говорится в них. К одной своей поэме Коржавин поставил эпиграфом слова из “Голубой книги” М.Зощенко: “...История, можно сказать, общее достоинство и общее дело, за которое следует всем краснеть”. Эту общую вину поэт чувствует особенно остро, не пытаясь и сам отстраниться от происходившего и происходящего с видом облаченного в белоснежные одежды и не перебегающего поспешно в иной лагерь.

Нынешним умиленным певцам “России, которую мы потеряли”, “поручиков Голицыных” и “корнетов Оболенских” противопостоят давние коржавинские строки о “белом” полковнике:

Это он Россию к взрыву
Вел...
Он, от злости сатанея,
Гнал упрямо в красный стан
Надругательством — евреев,
Просто плетками — крестьян.

Времена менялись, и на следующий раз стихи стали причиной отъезда Коржавина не в Караганду, но за океан, на чужбину, где ему и одиноко, и по-прежнему больно за то, что творится на родине, несущейся, как обезумевшая птица-тройка, к новым военным авантюрам, за мальчиков, гибнущих в Афганистане (“Что нас в горы чужие затащало, как в прорубь?”).

И с какой страстью, надеждой переживал он события 1985-го и последующих годов, как стремился предостеречь от новых ошибок и своей публицистикой, и, как сам выражался, “лобовыми”, разозленными стихами” (хотя за их яростью, в глубине всегда ощутимы как раз доброта и непреходящая любовь к людям и родине).

Увы, в последний приезд в Россию Коржавин уже не застал в живых давнего товарища по Литературному институту — Евгения Винокурова.

Экран и экран - 1995 -
Юбилей, 26 окт. -
2 нояб. -
юбилей... с 7

По сравнению с коржавинской судьба последнего выглядит вполне благополучной. Критика, а порой даже начальство, благоволили к нему, ветерану Великой Отечественной, которой посвящены многие прекрасные его стихи (вспомним хотя бы ставшее песней “В полях за Вислой сонной...”). Он пользовался заслуженным авторитетом в литературных кругах не только как первоклассный поэт, но и как редактор, сыгравший огромную роль в судьбе множества авторов, в годы своей работы сначала в журнале “Октябрь”, потом в “Молодой гвардии” и “Новом мире”. Особенно бережно опекал он молодых — начиная с Евгения Евтушенко, Беллы Ахмадулиной, Юнны Мориц.

Сам он пылливо, то тревожно, то с грустной улыбкой, то с недоумением всматривался в мир, в сегодняшний день, в прошлое, в людей, в себя:

...Тройка российских элегий
Тачанкою сделалась вдруг.
...Я человек. Я богу равен ликом,
Вот он. Вот я. Никто не различит.
То рот в улыбке. То разодран криком.
То сигарета изо рта торчит.
...История, вот я — песчинка! —
Тебе я предьявляю иск.
Я грозен. Встал для поединка.
То я кричу — ты слышишь писк?

Нет, несмотря на весь нынешний гул и гам, все-таки она вертится — старая и вечно молодая планета Поэзия и по-прежнему посылает в эфир свой “старомодный”, но такой дорогой сердцу, нужный и берущий за душу голос...